

Алла Акименко

НА ГРАНИ ВРЕМЁН...

Переводы
из еврейской поэзии

УДК 882
ББК 84 (2 Рос-6 Евр) 6-5
А 391

Поэтический сборник. Переводы с идиша.

Редактор:
Е.И. Сарашевская

Составитель:
А.Н. Акименко

Художник
В.А. Цап
Р.А. Строкова

Особую благодарность выражаю Науму Беняминовичу Ливанту, руководителю муниципального образования ЕНКА «Город Биробиджан».

Автор поэтических переводов.

*Сборник издан с использованием гранта
Федеральной еврейской национально-культурной автономии.*

ISBN 978-5-6044634-1-3

© ОГАУ «Издательский дом «Биробиджан»

Между прошлым и будущим...

Еврейскую книгу недостаточно бережно хранить, благоговейно прикасаясь от случая к случаю к раритетным страницам. «Древо жизни она для держащихся ее», — сказано кем-то мудрым. Это не только священные книги, но и светская литература, написанная евреями, растворившими в душе ценности своего народа, генетически сохранившими его исторический путь от Авраама до наших дней. Каждому человеку полезно обращаться к ней как можно чаще, вникать в еврейский мир, который стал фундаментом разных религий и мудростью для тех, кто только приближается к духовности или ищет путь к ней.

В секторе национальной литературы Биробиджанской областной универсальной научной библиотеки имени Шолом-Алейхема хранится более четырех тысяч книг на идише, вобравших в себя мудрость тысячелетий. Некоторые из них прошли вместе со своими авторами черные дни XX века и пережили их, сохраняя сокровенный идишкэйт. Немало произведений долгие годы оставались недоступными русскоязычным читателям. По некоторым источникам, сейчас в мире только несколько сотен тысяч человек знают идиш. Многие имена поэтов, как и их произведения, уходят в прошлое. Сегодня опубликованные в этой книге стихи получают право на продолжение их жизни в русском языке.

Работа над переводами, опубликованными в этом издании, велась на протяжении нескольких лет благодаря помощи главного редактора газеты «Биробиджанер штерн» Елены Сарашевской и одного из старейших биробиджанских журналистов Валерия Фоменко.

Стихотворение Анюты Пятигорской «Цыганка» восстановлено в поэтической форме по подстрочнику Зиси Вейцмана, напечатанному на страницах электронного журнала «Мы здесь».

Свою признательность выражаю музыкальному работнику Биробиджанского детского сада № 28 «Менора» Лилии Валевич, с чьей помощью переведены стихи Эммануила Казакевича «Дорожным строителям» и Макса Эпштейна «Тебя зовут Биробиджан».

У каждого перевода — своя история.

С Максом Эпштейном и его женой Хаей Борисовной еще в конце шестидесятых мы жили по соседству в одном подъезде дома по ул. Ленина. До сих пор хранятся в памяти мелодии его авторских еврейских песен, доносившихся из окон. Ради этой памяти включено в наш сборник одно из его стихотворений.

На страницах книги читатель встретится со стихами Исаака Бронфмана и Бузи Миллера. Живые образы поэтов хранит память юношеских лет. Однажды Исаак Бронфман пришел в первую школу на встре-

чу с учениками выпускного класса, где я в ту пору училась. Приглушенным голосом он читал «Улицу Шолом-Алейхема», «Исправленную отметку», «Две белых розы», уже тогда переведенные на русский В. Соломатовым и А. Рыбочкиным. Немногим позже мне довелось познакомиться и с Бузи Миллером. В редакции «Биробиджанер штерн» он проводил очередное заседание областного литературного объединения, куда однажды меня позвал совсем еще молодой биробиджанский поэт Ленья Школьник. Слух навсегда запечатлел речь старых поэтов, она звучала с незабываемым еврейским акцентом, потому что в повседневной жизни все они чаще говорили на идише.

Написанные от руки на мамэ-лошн стихи Сарры Вехтер недавно попали к нам из Монреала, там сейчас живут дети Сарры Наумовны Людмила и Лев. Они сохранили мамины черновики и, откликнувшись на мою просьбу, переслали их по электронной почте сотруднице нашей библиотеки Раисе Литвинец, с которой многие годы поддерживают связь. С Саррой Наумовной, как и с некоторыми другими авторами этой книги, я была знакома в начале семидесятых, когда училась в одном классе с ее сыномлевой. И какая же это особая радость, но и ответственность открывать читателю мысли и переживания поэтессы! В этих строчках — размышления о жизни, вечная нежность материнства, неизбежная любовь к дальневосточной земле, реке Бире с ее окрестностями, о которых наша землячка тосковала в разлуке после репатриации в Израиль.

На творчество Арла Гофштейна обратила мое внимание Елена Марундик, дочка бывшего икоровца. Елена — автор книги воспоминаний «Городок всемирного масштаба». В ее трогательном письме из Хайфы говорилось о том, что стихотворение «На Тунгуске» воспроизвело перед глазами картины природы окрестностей Соцгородка, окружавшие ее в детстве.

История Биробиджана 1930–1940-х годов, в художественной форме воссозданная теми, кто его строил, имеет большую ценность для современных биробиджанцев. Представленные в сборнике стихи Эммануила Казакевича с их детальным описанием событий подробно рисуют картины мира первых переселенцев. Читатель видит первый трактор, прорывающийся сквозь тайгу — поразительную диковину для аборигенов этих мест, подпекает песенкам смолокуров, участвует вместе с Эмкой в посевной на свежераскорчеванных полях. Слышит шум идущего по Бире парома мимо строящегося моста. Становится свидетелем пылкого монолога комсомольца Казакевича, обращенного к ребе Менделю, а точнее, к классику еврейской литературы Менделе Мойхер-Сфориму. В этом обращении звучит новое мировоззрение еврейской молодежи,

осваивающей дальневосточные земли. Уже не горькая участь еврея, обреченного на беспросветное нищенское существование, описанного на страницах автора «печального напева», а яркая мечта о будущем Биробиджана, пафос коллективного труда, огонь молодого задора торжествуют в строках двадцатилетнего Казакевича. Автор проходит по болотам вместе с первым председателем Биробиджанского поселкового совета Исааком Рашкесом, мечтающим о том, чтобы «красное государство победило это зеленое царство». Рапортует краевому начальству о проделанной работе.

«Молитва человека в снегу» Исроэла Эмиота основательно отличается от юношеского запала Эмки Казакевича. Оно стоит особняком в этом сборнике и по форме, и по содержанию. Белый стих, в котором смешались трагические реалии времени с духовными исканиями поэта. Новаторская поэзия Эмиота значительно отличалась и от биробиджанской лиры сороковых, когда поэт жил здесь. Сегодня его творчество вызывает большой интерес в мире. Помнится, с каким трепетом листала и фотографировала страницы сборника «Сибирь» Эмиота, хранящегося в секторе национальной литературы, одна из российско-американских журналисток, побывавшая в нашей библиотеке несколько лет назад.

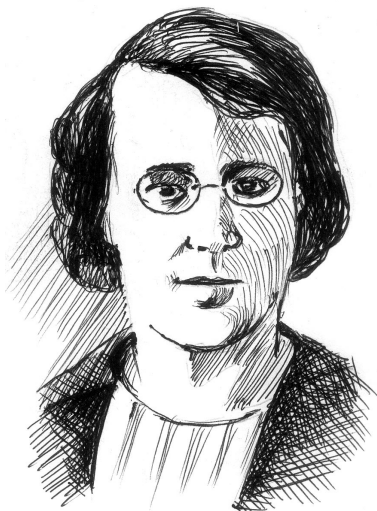
В книгу «На грани времен» вошли стихи, написанные Дорой Хайкиной, Шифрой Холоденко, Любой Вассерман и другими еврейскими поэтессами. Отзвуки их тайных переживаний преодолели время и наполнят каждое открытое женское сердце.

Самым первым моим личным опытом поэтического перевода стало стихотворение «Пушкин» Шмуэля Гельмонда, погибшего в первый год Великой Отечественной войны. Камерное и лиричное, оно созвучно мыслям читателя, независимо от национальности.

Арон Вергелис оставил богатое литературное наследие на еврейском и русском языках, и все же два его стихотворения были не переведенными. Его «Самый счастливый день» утверждает, что это тот день, в котором ты живешь: «Только здесь и сейчас! Нету лучшей поры...». А строчка «на грани времен» стала названием нашей книги. Ведь каждое мгновение человек балансирует между прошлым и будущим и, значит, находится на грани времен...

Алла Акименко

***Анюта (Хана)
Пятигорская***

Анюта (Хана) Пятигорская (1893–1943). Родилась в Житомире, окончила гимназию. Первые стихи писала на русском языке. Самостоятельно изучила идиш и начала писать на нём. Работала учительницей в еврейских школах Житомира, Киева, Малаховки (Моск. обл.). Первую сказку для детей опубликовала в 1915 г., первое стихотворение на идише в 1925 г. Первый сборник стихов издан в 1930 г. Пережила две зимы в блокадном Ленинграде. Тяжело больная, была эвакуирована в город Златоуст Челябинской области, где 3 февраля 1943 года скончалась.

Дальневосточная серенада

Выйди, друг мой дорогой.
Правда ли, что ты сказал?
Над кульдурскою водой
Я взгляну в твои глаза.

Торопливая река
Плеском из дому манит.
Свет луны издалека
Как серебряный магнит.
Сопки выстроились в круг.
На хребтах качают лес.
Те, кто молоды, мой друг,
Не озябнут ночью здесь.

Пар струится над рекой,
Тает, улета ввысь.
Ты похитил мой покой.
Я бы отдала и жизнь.

У источника всё жду.
Юности моей родник,
Нежный мой властитель дум
В тайны вечности проник...

Вот шаги! Не вечно ждать
Их среди речных песков!
Разве может опоздать
Настоящая любовь!

Цыганка

Когда весь мир, как общий дом,
Что мне преграды в нём?

В огромном городе одном,
Где улиц долгий бег,
Беру льняное полотно
И на глазах у всех

Стелю на сохнувшей земле,
Как скатерть на столе,
И сыплю струйкою зерно
На это полотно.

Прохожие вокруг снуют,
Вопросы задают:
— А для чего? А почему?
Сама я не пойму...

* * *

Я в девичестве была, как былинки нить,
Что, казалось, ветерок мог переломить.
Запрещала мама мне тяжесть поднимать.
Папа мне не позволял допоздна не спать.
Изменилось всё, теперь я сама уж — мать.
Никаким ветрам меня в жизни не сломать!
Я в заботах и трудах — я дитя рашу.
Глаз ночами не сомкну, рук не опущу.
Как же скоро удалось мне совсем забыть,
Что когда-то я была, как былинки нить.

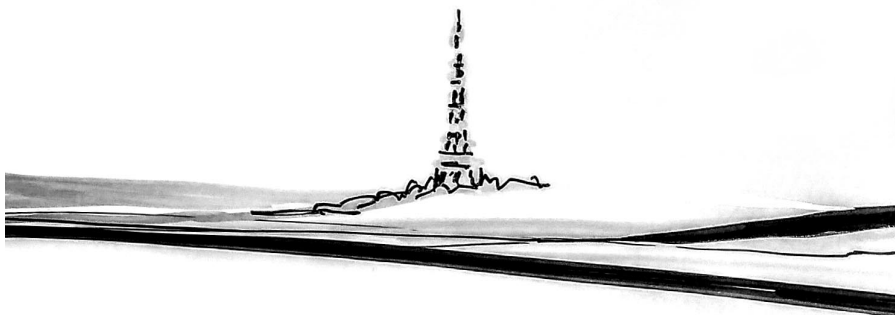
* * *

Пусть буду я седа, как снег,
На коже — сеточка морщин,
Лишь довелось бы видеть мне,
Кем стал мой драгоценный сын.

И не напрасно ли дала
Ему однажды жизнь мать?
Добры ли, злы его дела?
Хочу, состарившись, я знать!

Я думаю не о себе:
Как проведу остатки дней,
В богатстве или нищете...
Но что он значит для людей?!

Пусть буду я седа, как снег,
На коже — сеточка морщин,
Лишь довелось бы видеть мне,
Кем стал мой драгоценный сын!

Дора Хайкина

Дебора (Дора) Хайкина (1913– 2006) поэт, писатель. Родилась в Чернигове. Начала печататься в 1931 г. Автор сборников «Лидер» («Стихи, 1938), «Лидер ун баладес» («Стихи и баллады», 1941), «Фун але майне вегн» («Из всех моих дорог», 1975), сборник рассказов и новелл «Люцислибе» («Люцина любовь», 1983, сборник очерков «Брив цу кумендике дойрес» («Письма к будущим поколениям», 1988). С 1993 года в Израиле. Похоронена в Хайфе.

Тоска

Когда наступит время уходить,
Я знаю, что в подарок вам оставить —
Уменье видеть, как былинки нить
Таит в себе бушующие травы.
Когда холодной ночью ветер злой
В лицо моё швыряет горсти снега,
Я чувствую, как лучик золотой
Сплетает солнце в предрассветной неге.
Когда река, закованная в лёд,
Ещё стоит, не двигается с места.
Я слышу: летним вечером поёт
Здесь в лодочке любимому невеста.
Я ощущать могу тепло снегов
И понимать бурана свист далёкий.
Но чтоб тоску развеять, нет ни слов,
Ни средств каких-то в сердце одиноком.

Краски

Природы разноцветье — буйный праздник
Весёлых красок и разнообразных.
Вот розы шелковистые оделись
В пурпурно-красный, жёлтый, снежно-белый!
И светятся цветов нарядных лица
В роскошном обрамлень нежных листьев.
И опилась трава зелёным соком.
Луна, позолотясь, взошла высоко.
А чуть ударят первые морозы,
Засеребрятся утренние росы.
Раскрашен то оранжево-лазурным,
То голубым шатёр небес ажурный.
И радостно волна ультрамарина
Седое море украшает синим.
Лишь седина волос моих курчавых
Малюет душу серую печалью.

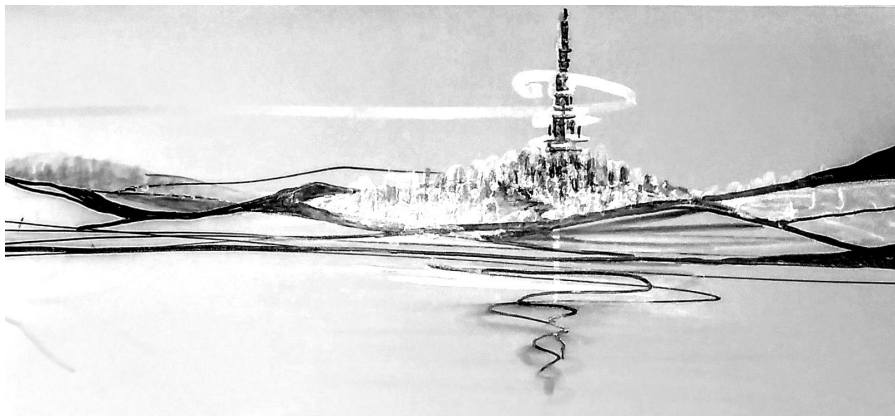

Шифра Холоденко

Родная сестра известного еврейского поэта Давида Гофштейна, расстрелянного в подвалах Лубянки 12 августа 1952 года вместе с другими активистами Еврейского антифашистского комитета. Шифра родилась в 1909 году в с. Бартков-Рудня (Украина). Окончила физико-математический факультет Московского университета. Участвовала в научной экспедиции на Север. Первые стихотворения опубликовала в 1922 году в журнале "Shtorm". Первый сборник стихотворений вышел в 1937. Автор книг «Лидер» («Стихи», 1940), «Ганцфри» («Ранним утром», 1940), «Ундзеркрафт» («Наша сила», 1941), «Досворт» («Слово», 1974). Переводила на русский язык стихи еврейских поэтов, в том числе Давида Гофштейна. В 1960 году была выпущена книга стихов Ш. Холоденко в переводе на русский язык «Близкий человек». Умерла поэтесса в 1974 году в Москве.

Мне кажется...

Мне кажется,
 когда меня не станет,
Моё сознание вовсе не угаснет.
Я буду помнить,
 буду слышать тайны
И видеть,
 даже принимать участие...
Когда исчезну, то через туманы
Вам голубя пришлю
 с далёкой вестью,
Что я жива —
 и в этом нет обмана —
Всему живому предана навечно.

Самуил Гельмонд

Самуил (Шмуэль) Гельмонд (1907–1941) родился в Житомирской области в семье рабочего. Воспитывался в детском доме в Одессе, учился в педагогическом техникуме в Минске, на литературно-лингвистическом факультете Московского педагогического факультета. Преподавал язык и литературу в профтехшколе в Черкассах. Тогда же начал писать стихи. Издано три книги его стихов. 23 июня 1941 года ушёл добровольцем на фронт. Осенью 1941 года погиб в бою.

Пушкин

Мне часто является вдруг
Испытанный временем друг,
Снимает пальто осторожно,
Покрытое пылью дорожной.
Цилиндр. Знаменитая трость.
Сияет и светится гость.
И разве мне может быть скучно,
Когда появляется Пушкин?!
Весь мир излучает поэт:
Мелодию, слово и цвет...
И входят вослед за поэтом
Его поколения дети,
Которые тем и весомы,
Что с Пушкиным были знакомы,
Мелькнут с быстротою мгновенья
Чредой мимолётные тени...
А друг мой со мной остаётся
И радостно мне с ним поётся.

Арон Вергелис

Арон Вергелис (1918–1999) — поэт, прозаик, публицист, общественный деятель. Родился в Волынской губернии. В детстве приехал в Биробиджан, где окончил еврейскую школу-десятилетку. В 1935 году опубликовал первое стихотворение в газете «Биробиджанер штерн». В 1940 году — выпускник Московского педагогического института им. В.И. Ленина. Участник Великой Отечественной войны, после демобилизации поселился в Москве, работал редактором еврейского вещания Московского радиокomiteта. В 1961–1991-м — главный редактор журнала «Советиш Геймланд». В советские времена объездил 16 стран.

Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Самый счастливый день в моей жизни

Я закрою глаза —
 приглушу яркий свет —
В полумраке бывшее видней.
Память ищет
 в хранилище собственных лет
 самый лучший из прожитых дней.
Я почувствовал: вот он!
 На грани времён.
Между прошлым и будущим —
 здесь.
Словно яблочным соком,
 я им опьянён,
Терпким счастьем
 проникнулся весь!
Только здесь и сейчас!
 Нету лучшей поры,
Чтоб к живительной влаге прильнуть.
Как ребёнок, сегодня
 его я открыл.
Мне осталось его зачерпнуть...

Марина Цветаева вернулась из эмиграции.

Москва, 1939г.

Вязаный берет — до бровей — и пошла.
Как в Иерусалиме, горят купола...
Лёгкой поступью по Москве идёшь.
Согревает душу славянский дождь.
Царственна. Красивее всех богинь.
Но из кожи лезут: «Где муж?», «Где сын?».
Знала бы, что это твой последний шаг,
И дела — у Вечности на весах...

Исроэл Эмиот

Исроэл Эмиот (Гольдвассер) (1909–1978). Уроженец г. Острово-Мазовицкого, Польша. Учился у рабби Меера из Полоцка. Владел ивритом, польским, идишем, немецким и русским языками. Писал на иврите и идише. Поэзия Эмиота по форме и содержанию новаторская, модернистская. В годы Второй мировой войны вся семья Эмиота была уничтожена в Варшавском гетто. Успел убежать от фашистов в Алма-Ату. Оттуда в 1944 приехал в Биробиджан. Работал в газете «Биробиджанер штерн». В 1949 вместе с группой биробиджанских писателей репрессирован. Семь лет отбывал наказание в исправительно-трудовых лагерях. В 1956 реабилитирован. Вернулся в Биробиджан. Вскоре уехал в Польшу. Оттуда в 1958 эмигрировал в США, где прожил двадцать лет до конца жизни.

Молитва человека в снегу

Здесь было кровавое пятно.
Снег засыпал его.
Но один был застрелен.
Теперь там снег.
Вокруг тебя снег.
В тебе снег.
Белым-бело.
О, защити меня, Бог!
Ты соткан из снежных слов.
Ты был найден и взвешен.
Пронумеровано Твоё Царство
И завершено.
Лицо деревни — снег.
Куда мы мчимся?
К небесам.
И тонем в снегу.
Маленькие ворота раскачиваются на ветру.
Как много значит снег!
Утренняя молитва — снег.
Полуденная молитва — снег.
Молитва на закате солнца — снег.
Человек в снегу.
Собака в снегу.
Дом в снегу.
Этот драгоценный короткий день,
Как детская считалка до двух:
Раз — снег,
Два — снег,
Снег,
Снег.

Люба Вассерман

Люба Вассерман (1907–1975) родилась в местечке Словатич в Польше. В 1924 году эмигрировала в Палестину. Спустя четыре года приехала в Биробиджан.

Печататься Люба Вассерман начала в 1928 году в прогрессивных газетах Польши, США, Палестины. В Палестине была издана книга стихов Любы Вассерман «Вечера». Её очерки, стихи и рассказы о становлении Еврейской автономной области, людях Биробиджана часто публиковались в областных газетах, в журнале «Советиш Геймланд», в коллективных сборниках.

В 1949 году была репрессирована. Семь лет провела в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа. В 1957 году реабилитирована.

За полтора года до её кончины Любу, тяжело больную, перевёз в Кишинёв её сын, Серго Бенгельсдорф.

Умерла Любовь Вассерман в Кишинёве в 1975 году.

В тюрьме

Я знаю,
на улице бродит весна,
Деревья цветут,
слышен смех.
Моя ж одиночка из камня —
тесна,
На голову падает снег.
За долгие годы я стала седой,
Без радости
и без души.
Но лучик в оконце
сверкнул золотой
И слёзы мои осушил.
Он тихо шепнул,
что за этой стеной
Свободный подул ветерок,
И неподалёку
меня ждут домой
И муж, и любимый сынок.
Тут сумрачно-тихо,
молчанья печать.
На двери — тяжёлый замок.
Растерзаны чувства,
лишь в сердце печаль,
лишь каменный этот мешок.
А я — птица в клетке,
и крылья — больны.
Сижу,
согреваясь мечтой
лететь из тоски,
из нелепой вины,
И спрашиваю:
«За что?».

Бузи Миллер

Бузи Миллер (1913–1988) родился на Украине. После окончания семилетки работал учеником, а потом рабочим на одной из фабрик Харькова. В 1932 году стал студентом Харьковского пединститута, а через год перевёлся в Московский педагогический институт им. Ленина. После окончания вуза был направлен в Биробиджан. Работал учителем в школе, преподавал русский и еврейские языки. Печататься начал в 1931 году. Поэт, прозаик, драматург и публицист Борис Миллер — автор многих новелл, рассказов, повестей, романа «Каждому поколению своё».

В 1949 году репрессирован. Семь лет провёл в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа. В 1957 году реабилитирован.

Умер Бузи Миллер в Биробиджане, где его именем названа одна из улиц.

Другу

Любе

Я не могу тебе ответить прозой!
Выстукивает сердце жгучий стих.
Твоё письмо — мои скупые слёзы
От счастья, звук которого затих.

Да что там счастье? Радость небольшая
И та укрыта горами невзгод.
И всё ж его дыханье ощущаю
Я в нашей дружбе уж который год.

Свободу, дом — что дорого, любимо —
Злой рок украл у нас с тобой как вор.
Но есть одно, оно — неистребимо.
Одно ещё не отнял приговор:

Святая дружба, твой привет в конверте.
И я сейчас приветствую, любя.
И знай: что всё проходит, друг мой верный.
Мучения отступят от тебя.

Ноябрь 1955. № 019, Тайшет-лаг.

Гладиолусы

Я сегодня принёс гладиолусы.
Сразу комната стала полна
Снежным блеском далёкого полюса,
Красным светом хмельного вина.

Нежно-розовым, фиолетовым
Плюшем выстлан их тонкий узор.
И роскошное великолепие
Насыщает и радует взор.
Я гляжу на букет зачарованно,
На распущенный нежный цветок —
Это солнцем земля поцелована,
Чтоб родился на свет лепесток,

Ярким праздником, светлым источником,
Чтобы не были будни серы.
А в зелёных пелёнках бутончики
Берегут красоту до поры.

Отцветут ослепительной прелестью,
И дразнящим огнём волшебства,
И на стебле другие поселятся.
Я для них подбираю слова.

Исаак Бронфман

Исаак (Ицик) Бронфман (1913–1978) родился на Украине в семье слесаря-котельщика. С семи лет осиротел и воспитывался в детском доме. Окончил Гайсинский индустриальный техникум с дипломом сельского механика. В 1931 году приехал в Биробиджан. Работал кочегаром, трактористом в амурзетской МТС, помощником машиниста ТЭЦ Облученского депо. В годы Великой Отечественной войны служил зампотехом танковой роты. В составе 2-го Украинского фронта прошёл Румынию, Чехословакию, Венгрию.

Первое стихотворение опубликовал в 1920 году. В 1947 году вышел его первый сборник стихов на идише «По светлым дорогам». Переводы его стихотворений на русский язык вышли в 1965 году — «Подснежник», в 1975 году — «Доброе слово». С 1946 по 1972 г. работал заведующим отделом промышленности в газете «Биробиджанер штерн».

Йоська бригадир

Следует решиться
Йосеньке жениться.
Йоська — трактористов бригадир.
Он на фронте бился,
А теперь влюбился
В девушку, какой не видел мир!

Цирелэ невеста —
Хорошо известна.
Славят наш Валдгейм её дела.
На Бире лучистой
Моет очень чисто
Маленьких красивеньких телят.

Цирелэ — хозяйка.
И порядок в стайках.
И работа спорится у ней.
А ещё на ферме
Как доярке первой
Больше всех ей пишут трудодней.

Лишь наступит вечер —
Ей укроет плечи
Нежный тонкий шёлк и крепдешин.
И гуляют с Йосей
По дорогам росным
Медленной походкою в тиши.

Люди Йоську знают,
Головой кивают:
— Йоська храбро штурмовал Берлин!
Ходит с орденами.
Только между нами:
Он у нас такой герой один.

Йоська с Цирл вместе.
Ай, ай, ай невеста —
Умница, красавица — скажи?
И сияют лица
От мала — до велика:
— Вот так пара! Чтобы я так жил!

Арл Гофштейн

Арл Гофштейн (1918–1941). Точные биографические сведения о поэте отсутствуют. По стихам, которые он опубликовал в газете «Биробиджанер штерн» и других изданиях, можно предположить, что он родом с Украины. Во второй половине 1930-х годов он учился в Биробиджане, окончил среднюю школу, затем педагогический техникум. Был редактором в биробиджанском областном радиокомитете, где вел передачи для детей. Среди молодых биробиджанских поэтов он был самым юным, и его часто видели среди школьников и студентов. По воспоминаниям биробиджанских литераторов, он был любимчиком молодежи, перед которой он часто выступал со своими стихами. Когда началась война, Арл ушел на фронт. Пал на поле боя в 1941 году в возрасте 23 лет. Ни одной своей книги издать не успел.

На Тунгуске

На речной высокой круче
Разветвился дуб могучий.
К берегу прибился плот,
Будто бы кого-то ждёт.
Я на лодке проплываю.
Брызги тело обливают.
Холодит рубашка грудь,
Вздулась — парус на ветру!
Ветер кудри развеивает.
Волны бьются и качают
Лодку быструю мою.
В даль прибрежную смотрю.
Свет рождается, и в нём —
Первый мой таёжный дом.
Как сияния поток,
Будущий Соцгородок!

Вот так рождаются дома

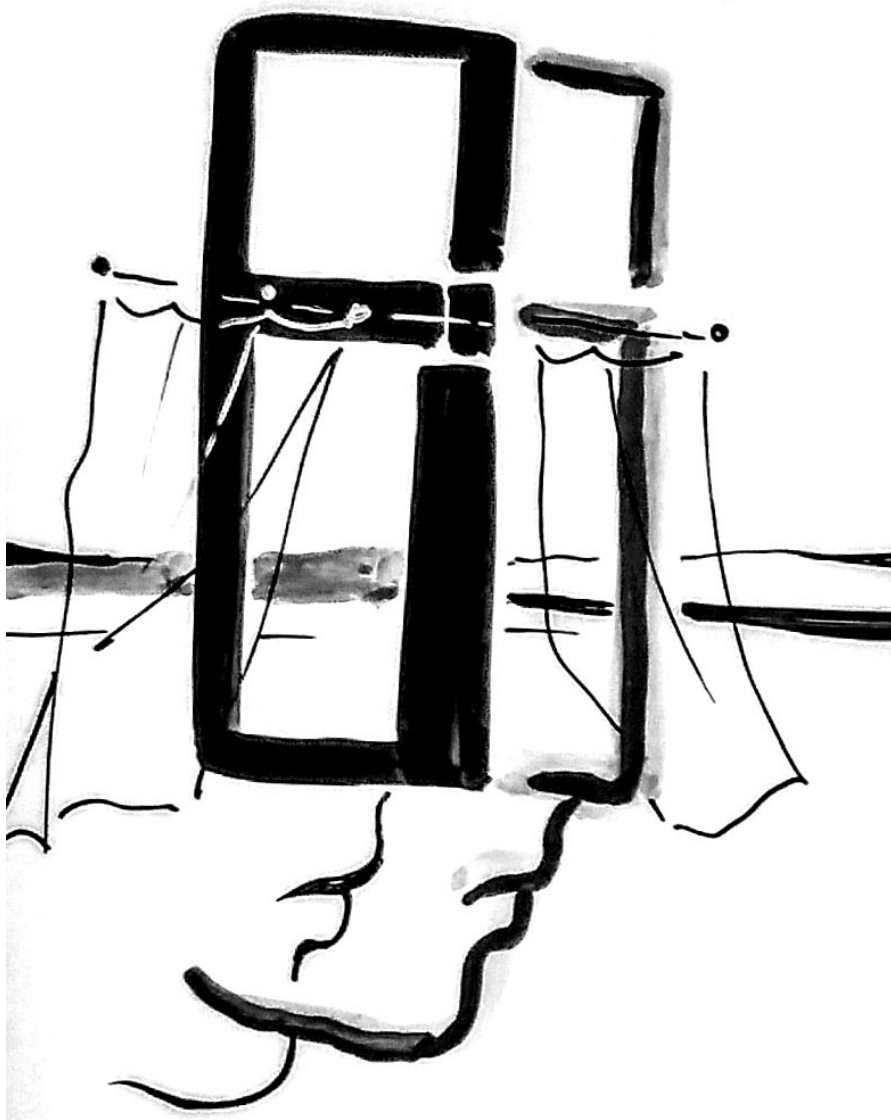
Явился туда самый первый
И с властью творца произнёс:
— Здесь дом встанет крепкий и верный
Средь сосен, болот и берёз!

Тайга содрогнулась в испуге,
И молний сверкнули лучи,
И гром разразился в округе,
Как взрыв в молчаливой ночи.

Вонзился топор в древесину —
Аукнуло эхо в лесах.
И вот уже мамочка сына
Качает на нежных руках.
Дома вырастают, как зубки
У крепнущего малыша.
Где были лесные зарубки,
Тропинки-дорожки лежат.

Костёр освещает долины.
Палаточный юный народ
Скрывает усталые спины
От ветра и песни поёт.

Где были таёжная зелень,
Валежник и бурелом,
Теперь обживаются земли,
Рождается будущий дом.

Эзра Фининберг

Эзра Фининберг (1899–1946). Родился в Умани Киевской губернии. Поэт, писатель, драматург. Получил традиционное еврейское религиозное образование. Писал стихи на иврите, идише и русском языке. Переводил на идиш мировую классику, занимался историей литературы. С 1941 по 1945 — на фронте. Выпустил более десятка книг.

Умер в Москве.

Биробиджан

Тебя не видел я, Биробиджан!
Но этим ясным утречком чудесным
Я там стою, куда душой бежал
И о тебе слагал стихи и песни.

И вдоль дороги, и в лесной дали
Тебя хранят от зла надёжней стражи
Строители-защитники твои.
И выстроят, и защитят отважно.

Уже благоустроена земля.
Просторно и свежо на целом свете!
Растут дома и ширятся поля,
И радуются женщины и дети.

Мне хочется всю эту радость влить,
Вписать в моё распахнутое сердце,
Чтобы потом ей звонкой песней быть
И зазвучать в устах счастливых детских.

Пусть песнею наполнится весь шар
Земной и каждая квартира,
И юноша по имени Биджан,
И девушка, что носит имя Бира.

Красноармеец на посту один
Пусть шепчет эту песню ночью хмурой,
А днём она пускай звучит как гимн
Героям партизанам у Амура.

Биробиджан, ведь я тебя не знал,
И до сих пор мы были не знакомы.
Есть только утро и ж.д. вокзал,
А в сердце для тебя стихи — готовы.

Эммануил Казакевич

Эммануил Казакевич (1913–1962). Поэт, писатель. Родился в Кременчуге. В 1930 окончил Харьковский машиностроительный техникум, где был начальником строительства, председателем еврейского колхоза, директором еврейского молодёжного театра. Начал свой творческий путь в 1932 на идише в газете «Биробиджанер штерн», которую редактировал его отец. В 1932 вышел первый сборник его стихов «Биробиджанстрой». С 1938 жил в Москве, где издал на идише сборник поэм «Большой мир» (1939) и роман в стихах «Шалом и Хава» (1941). В 1941–1945 — на фронте. Прошёл путь от рядового разведчика до помощника начальника разведки армии. Первое произведение Эм. Казакевича на русском языке — повесть «Звезда» (1947. Сталинская премия, 1948). За книгу «Весна на Одере» (1949) получил Сталинскую премию в 1950 г.

Переводил на идиш А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. В. Маяковского.

Умер в Москве.

Первый трактор

Сквозь густые леса
 прорывались на тракторе мы
По полям и болотам,
 ухабам целинной земли.
Наш сияющий новенький «конь»
 и шумел, и хрипел,
Но, казалось,
 мотор его песню таёжную пел.

Мы на тракторе сильном
 смелели, не знали преград.
Рвали с вьющихся веток
 прозрачный лесной виноград,
Мыли руки соляжкой,
 лицо освежали росой.
Но заехали на пепелище
 и в дымке густой
Потерялись мы —
 два тракториста —
 в глухой темноте,
До безумия страшной.
И каждый скорее хотел
 одолеть черноту,
 обгорелый неведомый путь.
Хоть бы деревце встретить живое
 и воздух вдохнуть!

Наконец-то!
Где только что не было видно ни зги,
Встала зелень густая
 и нежность суровой тайги.
И с весёлой полянки,
 у леса на самом краю
Мы узрели сквозь ветки
 деревню лесную мою.

Но слышались крики —
 корейцы, казаки кричат —
Всюду крики,
 и бабушки ловят поспешно внучат.
Опустели жилища,
 лишь скрипнуло робко окно.
Мигом спрятались все.

А позднее им стало смешно,
Что за чудище приняли трактор.
Как дьявол с хвостом
Показался с испугу им
 труженик этот простой.
И слагают легенду:
 как страшен и всё же красив
«Катерпиллер» стальной —
 в 60 лошадиных сил.

Вы, ребята, спросите:
«В году это было каком?»
Я отвечу вам:
«Тысяча девятьсот двадцать восьмом».

Дорожным строителям

Высокая пихта.
Ее поклон.
Повсюду тихо.
Зеленый сон.

Попробуй только
Кругом пройтись.
Попробуй, топни:
Эхо — ввысь!

Справа — пропасть.
Слева — гора.
Шепчет робость:
«Страшна — игра».

В пропасти — зелено,
Квакают жабы.
Нам велено
Ровнять ухабы.

Думать толком,
Работать руками.
Летит долго
В бездну камень...

Горе асбеста
Скажем строго:
«На этом месте
Будет дорога!»

Зеленые шатры
Посвящается Бейнфесту

Родники,
ручьи,
реки
стекаются, воды катят.
Зеленая гладь болот при красном закате.
Раскинула свой зеленый шатер
кочка.
Рядом тайга.
Заячья капуста.
Травы.
Луга
сочные.

Жара нестерпимая. Болотные топи.
Сотни километров хлюпаем, топаем...
Лисенок выскочил рыжий.
Кинулся туда-сюда трижды.
От травки — к росточку —
запутал следочки.
И обратно в нору
дал деру.

С ружьем на плече кто там?
Бескрайние, как небо, зеленые болота.

Шагаю по открытым просторам.
Хочу обнять эту ширь.
Как здорово!
Раскинула кочка зеленые шатры,
сыростью пахнущие.
Пещер-лабиринтов
двери распахнутые.

На край Земли шагаю
и твердо знаю,
что красное государство
должно всеми силами
ликвидировать
это зеленое царство!

Бирский мост

Кореец с деревянного парома
Глядит на бурное течение реки.
А небо — покрывало. Разноцветно.
И то ли чудо, то ли солнце это —
Не спрашивай! Слепит из-под руки!

Вот берег правый встал стеной зеленой.
И левый берег — плотен и высок.
Сошлись деревья под единой кроной.

Корец с деревянного парома
Привычно плюнул в бешеный поток.

По берегу идет лошадка спешно.
Паром натужно тащит важный груз.

Корец вертит колесо прилежно,
Устало слушает его негромкий хруст.

А слышит ли он тонкий стон веревки
И незнакомый, непривычный стук?
А видит ли как весело и ловко
Недавно новый мост возводят тут?

Упрямо, вопреки теченьям резвым,
И гордо встали сваи на реке!
Трещит, скрипит паром, груженный лесом,
Отвыкший от хождения налегке.

И то ли чудо, то ли солнце это —
Не спрашивай, а вглядывайся ввысь,
Манящую надеждой разноцветной.
Мы строим мост. Уж сваи поднялись.

И не смотри назад, как в тихий омут.
Мы новым делом занялись всерьез.
От нынешнего берега к другому,
Неведомому тянется наш мост!

К столбу беглецов!

Он сбежал,
прихватив спецодежду «на память»,
А сюда вёз перины
с украинскими клопами.
Продал с прибылью в Иркутске
всё имущество
И хихикнул:
— Холодный Восток или Юг —
Лучше что?
Стал всем жаловаться,
какой он бедненький.
А ехал сюда
с духовной жаждой
проповедника.
Но в мелком его,
лукавом сердце, махоньком
Трусливые чувства,
как жабы в болоте квакали.
Тихо сказал
Биробиджан ему на идиш:
— Кругом великая стройка развернулась,
ты видишь?
Ветер сильный, стремительный,
а мельницы нет.
Все вместе выстроим мельницу
на тысячу лет.
Видишь, как двигаемся вперёд
полным ходом,
Как мы растём,
и кто товарищ нашему народу!
Но в памяти
древний голос звучит непрощено:
Менахем Мендл — его бедняцкое прошлое.
Бормочет он:

Сиянье янтарного света.
С любовью к Стране Советов
Мы прибыли в эти края.

Таежное, тысячелетнее
Дикое великолепиие.
— Товарищи из Америки,
Что вы привезли сюда?

— Холодные ночи Бостона,
Где мы прозябали — босые.
Презрение к шкуре толстой
Бесчувственных жирных обжор.

А там палестинцы стонут,
Под властью английской стоя!
— Тоже приехали строить?
Что же вы привезли?

— Ненависть к блефу Вейцмана,
Зубы, сжатые силой,
«Нет — сионистским призывам»
С собою мы привезли.

Горные манят вершины.
Сияют глаза, как звезды.
Сливаются разные марши
В единственный марш-интерн.

Рапорты

Комитет
 партийного аппарата.
Товарищ Левин,
 слушай наш рапорт...
Каждый глаз —
 рентген.

Каждый мускул —
 сталь.
В каждом ухе —
 марши.
И под каждой парой бровей —
Воля к победе нашей.

Товарищ Левин,
Твоя задача
Быть бдительным,
Быть зрячим.
Здесь еще вдалась
Тех, кто не видит
Дальше своего носа,
Тех, кто тайно выйдет
И уйдет с моста,
Тех, кто гасит мечту и азарт —
Тянет нас назад.

Товарищ Левин,
Будь уверен:
Наши руки не сложены,
И мозги наши верно служат.
И мосты назад сожжены.
На плечах — наши ружья.
Новой песней наполнен рот.
Трактор — в поле!
Только вперед —
Наша воля.

Хабаровск.
Крайком.
Товарищ Бергавинов.
Слышишь,
Голос над тайгой и долиной.
Каждый глаз, как рентген.

Нас,
пахнувших дикой природой,
Повенчаных с ветром и непогодой.

Сталинфельд!
Ты носишь самое красивое имя!
Мы еще его не заслужили,
но ты считаешь нас своими.
Колосья будут перекатываться волнами.
Сердца восторгом переполнены.
Сеялки! Кидайте зерна в землю!
Земля зерно приемлет.
Имя Сталина носить мы рады.
Значит, будем сеять так,
как надо!

Песенка смолокуров

Катится по небу золотое солнце.
А под ним тропинка узкая легла.
И стекает с веток темно-синих сосен
Вязкая янтарная липкая смола.

— Мало скипидара! — Родина сказала.
Потекла живица по густым лесам,
По прозрачным трубкам, по большим казанам,
по горячим нашим молодым сердцам.

С грудью нараспашку. И на лбу испарина.
Льем смолу, как летом. А мороз трещит.
Китайцы и евреи — мы одна компания —
В ясности таежной солнечной тиши.

Солнце золотое по морозным веткам
Разливает щедро смоляной нектар.
Мы трудом горячим возвращаем лето.
Добываем Родине смолу и скипидар.

Сталинфельдские директора

«Тридцать три профессора,
Отечество, ты потеряло?!» —
Эта фраза Генриха Гейне
всегда рядом...

Его острый жанр, как заноза.
Всё, как будто
о Биробиджанском совхозе.

Тридцать три директора
ты потерял, совхоз.
Крупных и мелких директоров
у тебя — целый воз.

И еще стоит в планах:
— Раздуем штат директоров
До высот аэропланов!

Директора ходят, шагают,
как паровозы, гудят все:
— Крутимся, как белки в колесе!

Семь няnek, а дитя без глазу...
На поля бы их всех сразу...

Послушайте своих дедов, ребята.
Давно пора сокращать штаты!

Товарищам из отделений ОЗЕТа Одессы, Тальное и др.

Товарищи! Вы читаете?
Читайте и радуйтесь!
Мои дорогие евреи хорошие,
Радуйтесь за добрые дела свои прошлые.

Вы нам прислали много преданной молодежи,
Но зачем сейчас отправляете к нам такие рожи:
Воров,
 сумасшедших,
 калек убогих?
Вот что скажу я вам прямо и строго:
— Работники ОЗЕТа из Тальное и Одессы,
Биробиджан — это вам не собесы.
Мы трудно идем по тайге напролом,
Не наша задача кормить социальный лом.
Здесь не забава и не игра,
И наша страна — не медвежья нора.
И вас персонально просим мы
Здесь не появляться,
Поскольку вы сами не очень умны...

Разговор с Менделе Мойхер-Сфоримом

Реб Менделе!
Не просто так
Я начал с вами говорить.
В строю я — бдительный солдат.
Нет времени,
Чтоб воду лить...
Вот с вашей головы седой
Талит спадает на очки.
А я тружусь на посевной,
Где золотой весны лучи,
Где меж Биджаном и Бирой
Вступает красный культобоз
В ряды энтузиастов, в строй,
Чтобы пройти с ним тыщи вёрст.
Вы — книгоноша — не ай-ай!..
Но все равно вам (что сказать!),
В какой шагает лошадь край,
Вперед идёт или назад.

Нам книгоноши здесь нужны
Для Первомай, посевной,
Но твёрдо знать они должны
И цель, и пункт конечный свой.
Вперёд, наш красный культфургон
С восточным именем в груди!
Там солнце на вершинах гор,
Светлы просторы впереди!

И вдруг я слышу: «Вей и ох!»,
Визгливый резкий звук кнута,
Вот Алтер, Беньямин, их вздох.
И горе — в прежние врата.
Белье на крыше ветер рвёт
И жутко воев в потолке.
И подпитой казак ревёт
В жидовском маленьком шинке.
И клячи изможденно ржут.
А способ их избавить дан?
— Зачем, реб Менделе, — спрошу —
Их отправлять за Иордан?
Бредут по скользкому шоссе.
Трещотки — их предсмертный хрип.
Деревья редкие в росе
И-то их обогнать могли б.
Кибитку бедную трясет
И продувает ветер злой,
Сухие листья вдаль несет.
Реб Менделе, пой песню, пой!
Да, вам великое дано.
Крутые лестницы в раю
Вам деда создали давно.
Но мы теперь в другом строю!

Макс Эпштейн

Макс Эпштейн (1905–1991). Поэт, композитор. Автор более десятка песен о Биробиджане. Окончил музыкальный и литературный факультеты Одесского музыкально-драматического института.

В 1933 году приехал в Биробиджан по приглашению художественного руководителя Биробиджанского ГОСЕТа М.И Гольдבלата и начал с ним работать. Театральная жизнь менялась на протяжении истории Биробиджана, но Макс Эпштейн всегда оставался в гуще театральной жизни. Двадцать лет преподавал музыку в Биробиджанском педучилище.

Похоронен на биробиджанском кладбище.

* * *

Тебя зовут Биробиджан.
Красивей места нет.
Крепка здесь дружба горожан
И греет солнца свет.
Течёт Бира, шумит волна,
Где дремлет парк в тиши,
С Амуром встретиться она
Издалека спешит.

Сарра Вехтер

Сарра Вехтер (1928–1998). Родилась в селе Илия в Белоруссии. С 1948 по 1995 г. жила в Биробиджане. Работала в читальном зале Биробиджанской областной библиотеки им. Шолом-Алейхема, заведующей городской библиотекой №1, диктором на областном радио. Вела радиопередачи и писала стихи на идише. Публиковалась в газетах «Биробиджанер штерн» и «Биробиджанская звезда», сборнике «Литературный Биробиджан» (1984); альманахе «Биробиджан» (2007).

В 1995 году Сарра Вехтер репатрировалась с семьёй в Израиль, где через три года умерла. Похоронена в г. Кармиэль.

* * *

Могу я многим обладать,
Рабыней роскоши не став,
И благодарно принимать
Природы дивные места,

Сонаты птиц на все лады
Над изумрудною рекой,
Деревьев сочные плоды.
Весь мир многообразный — мой!

И сладко нежится во сне
Мой главный плод — дитя любви!
Он утром улыбнётся мне,
Как лучик солнечной зари.

Он — смысл жизни, радость дней,
Большая мудрость бытия.
Жизнь — удовольствие. И в ней
По праву всех богаче я.

Музыка Бетховена
Соната №1

В комнату падает отсвет луны,
Музыка входит тихонько.
Надежды с любовью переплетены
В нитях мелодии тонкой.

Соната задумчиво в окна плывет.
Она переполнила ночь.
Сейчас ураганом ее оборвет.
Былое спокойствие — прочь!

Воюет, сражается, борется звук
И к вечному счастью зовет.
Всё радует и вдохновляет вокруг
Бетховена мощный полет.

Зима на Бире

Зима. Бира замерзла.
В блестящий снег одета.
И видится за версты
Рожденье чуда света.

Здесь жемчуга тонули,
Спускались звезды с неба,
Ненадолго заснула
Сверкающая нега.

В счастливое затишье
Морозный воздух — вкусный.
На саночках — детишки,
А цвет их щек — арбузный.

Вон сопки наклонили
К ветрам холодным кудри.
Густой морозный иней
Их сединой припудрил.

Вдоль насыпи прибрежной
На страже ели встали.
Зеленые, как прежде,
Их здесь заколдовали.

В непогоду

Свирепый ветер ветки рвет
И крыши у домов,
И в трубы сточные ревет,
И свищет меж стволов.

Дождь хочет затопить весь мир
Вокруг разлил моря.
Тревожно шепчет: «Вэйиз мир!» —
Дрожит душа моя.

Холодный ливень все вокруг
Укрыть собой спешит:
Деревню, поле, дальний луг
Совсем опустошить.

Вскипает дикая вода,
Играет и поет.
Где вился ручеек всегда,
Рекой теперь течет.

Кричит закрытый в стойлах скот.
Бьет на дверях скобу.
Объединившийся народ
Выходит на борьбу.

Родня, соседи и друзья
Вал строят земляной —
В сраженье уступать нельзя
Ни пяди ни одной!

Когда земляки встречаются

Какая встреча! Земляки —
За праздничным столом:
— А помнишь у Биры-реки
Наш выстроенный дом?
Где юность быстро пронеслась,
Плыл над калиткой сад.
И где в речной прохладе всласть
Плескаться каждый рад.
Давно прошли былые дни,
Плохи ли — хороши...
По зову крови и родни
Мы в Кармиэль пришли.
Земля Святая есть у нас —
Прекрасная, в цвету,
Но вспоминаем каждый раз
С любовью землю ту...

Мой благословенный край

Где широкие просторы
И зеленые леса,
И грядой теснятся горы,
Упираясь в небеса,
Тянет свежесть с океана
Утром легкий ветерок,
Там встает рассвет багряный —
Это Дальний наш Восток.
Волнами Амур играет,
А суровая тайга
Изумленно замирает
На высоких берегах.
Рыбаки готовят сетки.
Кедры мощные шумят.
К ним цепляется за ветки
Синий сочный виноград.
Ранним вечером выходит
К речке увалень-медведь.
Уссурийский тигр-охотник
Поджидает в кушах снедь.
А когда плывешь на лодке,
Тихо кажется везде.
Убегает след в полоске
По встревоженной воде.
Поднимаются строенья,
Пахнут стружка и доска.
Как костер трещит в поленьях,
Речь на разных языках.
Можно ль красоту такую
Не лелеять, не любить.
Древнюю и молодую
Землю, где дано мне жить?!

* * *

Если я была бы птицей,
Над морями, городами
Высоко могла бы взвиться,
Соревнуясь с облаками.

Я бы крылья распластала
И свободно бы парила,
А потом кружиться стала
И на землю не спешила.

Я бы, как стрела из лука,
Вдруг в далекий путь пустилась.
Там душа не знала муки,
Там она укоренилась.

И не паспорт, и не визы
Не спросили бы границы.
Приземлилась бы сюрпризом,
Если я была бы птицей.

Старый солдат

Года убегают во тьму,
Кончается жизненный путь.
И нужно сегодня ему
Тепла и заботы чуть-чуть.

А сколько же было потерь,
Поверженных вражьей стрельбой.
И мы понимаем теперь,
Кто грудью закрыл нас с тобой.

Являются ночью во сне
Друзья, что ушли навсегда.
Они отбивали в огне
Дороги и города.
А раны болят и болят,
Покоя совсем не дают.
Он слышит: солдаты кричат,
И раненые зовут.

*Посвящение Биробиджанскому
ансамблю скрипачей*

Кто опишет звучание скрипки,
Чей смычок спорит с пением птичьим,
И сплетение отзвуков зыбких
С разноцветьем нигун и величьем?!

А мелодии выше и выше
Над землею летят ураганом
Или падают ливнем на крыши
Новостроек Биробиджана.

Волшебство и Вивальди, и Грига —
Удовольствие чуткому слуху.
Торжество вдохновенного мига —
Укрепление слабому духу.

Разливаются нежно повсюду,
Разговора скрипичного прелесть,
И еврейские песни, как судьбы,
И «Семь сорок», стремительный «Фрейлэхс».

Все в них есть: звуки шумного леса,
Зелень поля и будущей жатвы,
Блики солнца над речкой белесой,
Пчел натруженное жужжанье.

Это музыка светлого края,
Новой жизни и свежего утра.
С ней счастливые свадьбы играют.

Только слезы в глазах почему-то...

Неуснувшая память

Созревшее поле в огне и чаду,
Пылают ржаные колосья.
Я будто опять той дорогой иду,
Которой в войну довелось мне.

И корчатся стебли, трещат и хрустят
С обеих сторон у дороги.
Мамаши к себе прижимают ребят.
Все рядом: и танки, и ноги...

И лошади ржут. Угоняют стада
Подальше в тылы от фашиста.
Как близко бои! За ударом удар.
Прносятся пули со свистом.

Зовет неуснувшая память туда,
Где слышатся горькие стоны,
Где пламень пожрал результаты труда,
А жизнь и полушки не стоит.

Особенно бережно ныне держу
Буханку душистого хлеба.
У жизни своей неотступно прошу
Покоя и мирного неба.

Чтоб золотом ржи колосились поля,
И неводы были богаты,
И медом — цветущая наша земля,
Пшеницею — элеватор.

Пусть памяти не набегает волна,
И мир будет счастьем залитым.
А это жестокое слово «война»
Останется всеми забытым.

* * *

Все мы выступаем на арене.
Не на жизнь, а на смерть бой идет.
А за что? За крохотную жменю
Счастья или призрачный полет.
А порою мир похож на море,
Где рыбешки в суете снуют.
И кому нужно чужое горе?
И другому места не дают.
Но когда-то старая телега
К финишу доедет одному...
Все, что взято в круговерти бега,
Станет абсолютно ни к чему.

* * *

От Биры, как будто песни,
Слышатся речные всплески.
Кедры сонные вздыхают.
Тайны их никто не знает.
Приезжайте, люди, в гости.
Мы порадуемся просто
Свежей красоте снежинок
Или сладости дождинок,
Широте лугов, просторам,
Берегам, полям и горам,
И богатым урожаям.
Мы друзей тепло встречаем,
Будто родственников близких:
Угощением в полных мисках,
Распростертыми объятьями.
Как иначе между братьями?!

СОДЕРЖАНИЕ

Между прошлым и будущим...	5
Анюта (Хана) Пятигорская	9
Дальневосточная серенада	10
Цыганка	11
Я в девичестве была, как былинки нить...	11
Пусть буду я седа, как снег...	12
Дора Хайкина	13
Тоска	14
Краски	14
Шифра Холоденко	15
Мне кажется...	16
Самуил Гельмонд	17
Пушкин	18
Арон Вергелис	19
Самый счастливый день в моей жизни	20
Марина Цветаева вернулась из эмиграции	20
Исроэл Эмиот	21
Молитва человека в снегу	22
Люба Вассерман	23
В тюрьме	24
Бузи Миллер	25
Другу (<i>Любе</i>)	26
Гладиолусы	27

Исаак Бронфман	29
Йоська бригадир	30
Арл Гофштейн	33
На Тунгуске	34
Вот так рождаются дома	35
Эзра Фининберг	37
Биробиджан	38
Эммануил Казакевич	39
Первый трактор	40
Дорожным строителям	41
Зеленые шатры (<i>Посвящается Бейнфесту</i>)	42
Бирский мост	43
К столбу беглецов!	45
Марш-интерн	46
Рапорты	47
Имя Сталина	49
Песенка смолокуров	50
Любимая, видишь, смеётся луна...	51
Сталинфельдские директора	52
Товарищам из отделений ОЗЕТа Одессы, Тальное и др.	52
Разговор с Менделе Мойхер-Сфоримом	53
Макс Эпштейн	55
Тебя зовут Биробиджан...	56
Сарра Вехтер	57
Могу я многим обладать...	58
Музыка Бетховена (<i>Соната №1</i>)	58
Зима на Бире	59
В непогоду	59
Когда земляки встречаются	60
Мой благословенный край	61

Если я была бы птицей...	62
Старый солдат	63
Посвящение Биробиджанскому ансамблю скри- пачей	64
Неуснувшая память	65
Все мы выступаем на арене...	66
От Биры, как будто песни...	66

ISBN 978-5-6044634-1-3

9 785604 463413

Алла Акименко

НА ГРАНИ ВРЕМЁН

Сдано в набор 10.07.2020. Подписано к печати 2020.
Формат 60x90^{1/16}. Бумага КМА. Печать ризографская. Усл. п. л. 4,8.
Гарнитура “Таймс”. Тираж 100 экз. Объем 70. Заказ № 888.
Сверстано и отпечатано в ОГАУ “Издательский дом “Биробиджан”,
г. Биробиджан, ул. Ленина, д. 32. ИНН 7901533871/790101001. 2020 г. (И20)